

Армия перед Октябрем.

(Из книги «К истории Октябрьской революции».)

Я. Яковлев.

Контр-наступление германской армии.

6 июля немцы начали свое контр-наступление с помощью резервов, переброшенных с других участков русского и французского фронтов. Контр-наступление противник повел на том желтого-зеленом фронте, откуда пытались наступать армии Временного Правительства.

На этом фронте с русской стороны находились четыре армии, расположенные с севера на юг в следующем порядке: 11-я, 7-я, 8-я, 1-я.

Последовавшие события почти немедленно вскрыли подлинную цену готовности и способности русской армии воевать. Первый удар германское командование нанесло левому флангу 11-й армии, подвергшиеся удару части этой армии немедленно подались назад, не принимая боя. Образовался прорыв, который дал возможность противнику развить свое наступление.

Солдатская масса не выполняет военных приказов. Части, назначаемые для поддержки отступающих, отказываются выступать. Таким образом естественно обнажаются фланги соседних частей.

Уже на следующий день начинает отступать и соседний корпус: при этом для командования оказывается невозможным перейти в контр-атаку какими бы то ни было частями ввиду их отказа наступать. Совершенно невозможным оказывается также добиться активной поддержки подвергшихся удару частей со стороны прочих фронтов, которые фактически не выполняют приказа Брусилова о развитии активных операций.

8 числа, расположенная в югу от 11-й, 7-я армия вынуждена отступать ввиду того, что ее фланг обнажен. Отдельные корпуса и части теряют связь друг с другом. В этот момент назначают спасти положение на фронте командующего 8-й армией Корнилова, авантюра которого с наступлением на Калуц и Галич, погоня которого за немедленным политическим эффектом послужила одной из серьезных причин ухудшения положения российской армии.

Корнилов пробует использовать и поражение в тех же политических целях, издав ряд приказов о запрещении митингов, о расстреле бегущих и т. п.

Нанесенный германской армией 9 июля удар против 7-й армии заставил опять бежать не только 7-ю, но и к югу расположенную корниловскую 8-ю армию, у которой обнажились фланги.

С этого момента тактика российского командования сводится только к одной задаче: намечая последовательно один рубеж за другим, как границу отступления, задержаться. Эта задача оказывается чрезвычайно трудной ввиду того, что германцы в течение нескольких дней после 9-го наносят ряд ударов на участках 11-й, 7-й и 8-й армий.

Каждый удар заставляет неуклонно откатываться не только участок, подвергшийся наступлению, но и соседние участки. Не помогает корниловская беспощадная расправа с дезертирами. Не помогает и вывешивание трупов расстрелянных дезертиров вдоль дорог, по которым бежала взбудораженная крестьянская масса в ужасе перед наступающими врагами и в неудержимом стремлении домой.

Одиннадцатого русской армией сдан Тарнополь.

Вслед за 8-й наступает очередь отступить 1-й армии. Вместе с тем отпадает возможность добиться переброски в помощь Юго-Западному фронту корпуса с Румынского фронта, ввиду того, что положение самого Румынского фронта становится неустойчивым.

15-го левый фланг 1-й армии уже поддерживает связь со следующей, 9-й, армией только с помощью конных частей. 16 июля германская армия подходит к реке Збручу и даже форсирует его в районе Гусятина.

К Збручу же противник стал приближаться и по обеим сторонам Днестра, прорвав по линии Днестра фронт 8-й армии. Эта армия бежит вплоть до 22 июля, оставив в ночь с 20 на 21 июля Черновицы с огромными запасами воинского снабжения. Только 22 июля заканчивается отступление русской, или точнее сказать наступление германской армии на линии Злочев — Скалат — Збруч до Днестра — Хотим и далее до стыка с Румынским фронтом.

Контр-атака германской армии имеет своеобразный политико-стратегический интерес. Нанося отдельные удары преимущественно в стык отдельным русским корпусам и армиям, германская армия заставила русские армии от 5 до 22 июля, то-есть в срок немногим больший двух недель, оставить огромную территорию, пробежать через ряд естественных, речных преград, оставить ряд крупнейших пунктов, в том числе Тарнополь и Черновицы с огромным воинским имуществом.

Стратегия российского командования сводилась к тому, чтобы найти, наконец, такую линию, где русские части не будут под ударом противника, поскольку не было никакой возможности отбить наступление контр-атакой, на каком бы то ни было участке как Юго-Западного, так и Северного, Западного и Румынского фронтов.

Русскому командованию и русской буржуазии не помогло и небывалое превосходство русских сил над силами противника. Не помогло и то, что в начале германской контр-операции 240 батальонам, 40 эскадронам, 100 тяжелым и 475 легким гаубичным орудиям левого фланга 11-й русской

армии противостояло, по данным Зайончковского, всего 83 батальона, 60 тяжелых и 400 легких и гаубичных орудий противника.

В то время, как Юго-Западный фронт потерял всю Галицию, и армии Временного Правительства докатились до Збруча, т.-е. до старой границы царской России, Западный и Северный фронты оказались не в состоянии развить какие бы то ни было вспомогательные операции. Основные причины этого: огромный некомплект, обострение отношения солдат к офицерам, ослабление влияния оборонческих комитетов и в целом дезорганизация армии, как единого организма, не поддающегося какому бы то ни было управлению и руководству.

Некомплект в одной 12-й армии достигает 48 тысяч человек при 43 тысячах больных. Дезорганизованная армия, состояние которой один из комиссаров Временного Правительства, комиссар Западного фронта Минц характеризовал как соединение физической усталости с душевной подавленностью, не поверила даже сообщениям об успехах на Юго-Западном фронте. Ряд полков посылает специальных ходоков на Юго-Западный фронт, чтобы проверить, не обманывает ли солдат начальство. Пока эти ходоки дошли до Юго-Западного фронта, они убедились непосредственно в том, что начальство их действительно обманывает. Каждый день уже превратился в громадное поражение.

Сводка одного из полков Западного фронта соответственно сообщала о том, что солдаты отказываются подбрасывать в германские окопы плакат о взятии Галича, пока не найдут солдата, который перевед бы написанное с немецкого языка на русский.

Но солдаты не верили уже не только своему командному составу, но и комитетам. В этот период в ряде армий комитеты уже оказываются, в особенности в 12-й и в 5-й армии Северного фронта, совершенно неспособными к тому, чтобы свое влияние противопоставить стихийной солдатской жажде мира.

Сводка Западного фронта сообщает об этом языком эпическим. В то время, как полковой комитет 115-го полка собрался обсуждать вопрос о наступлении, «толпа солдат ворвалась в помещение, потушила огонь и начала бросать в окна здания камни и кирпичи»...

В то же время на этих фронтах, в особенности на Северном фронте, близко к Петрограду, уже начинает оформляться настроение против войны—как настроения большевистские.

Лозунг кончать войну начинает сочетаться с лозунгом свержения буржуазного правительства. Все чаще отказ от наступления, несогласие с приказами Керенского и командования начинает объясняться не случайными поводами, а тем, «что они изменники и что за эти слова надо их бить»...

Еще основной формой отказа является всяческого рода первый подходящий предлог. Но уже все чаще и чаще находит себе место политическое оформление этого нежелания воевать под большевистским лозунгом свержения Временного Правительства.

Усилившуюся дезорганизацию армии определяет комиссар Западного фронта Минц в выражениях, достаточных точных:

«то один полк отказывается выступать из резерва на передовые линии, то дивизия требует вне очереди смены, мотивируя усталостью, то наотрез части отказываются от занятий боевой подготовкой, и постоянно назревают непредвиденные случаи, которые приводят к самым острым выступлениям частей»...

Примерно те же процессы рисует сводка 181-й пехотной дивизии 3-й армии:

«Во всех полках солдаты отказались от исполнения работ и производства занятий; в 721-м полку команда разведчиков требует смены начальника команды, а 3-я рота 724 полка требует сменить командира роты, в 722-м пехотном полку полковой комитет 2 батальона и нестроевая рота требует ухода командира полка полковника Либера»...

При таких условиях любой приказ правительства или военных властей, направленный к восстановлению военной дисциплины в армии, строившейся еще на старой классовой основе, ухудшал только положение командования и правительства. Когда военное ведомство запретило отпуски, то этот приказ был принят в штыки всей солдатской массой, ибо основным виновником солдатская масса сочла Временное Правительство, изменяющее народу.

Таким же образом действовал и приказ о формировании полевых тыловых команд из тыловых частей. Взабодраженная солдатская масса увидела в этом новую привилегию тылу.

В то же время разлагавшийся еще более ускоренным темпом солдатский тыл не мог дать фронту ни одного пополнения для войны, давая в то же время очень много пополнений для развития революционной работы в армии.

Генеральское совещание в Ставке.

После того, как сорвалась попытка буржуазии добиться восстановления своей власти в стране и армии путем наступления, начали делаться попытки использовать поражение на фронте. Поражение на фронте виднейшие представители российской буржуазии и командования пытаются сделать исходным пунктом работы по восстановлению в армии и в стране своей власти.

Инициатива переходит в руки командования. Ставка берет на себя главную работу по оформлению программы и по созданию штаба контрреволюции. 16 июля 1917 года Керенский совместно с Терещенко, министром иностранных дел, созывает совещание в Ставке, на котором принимают участие верховный главнокомандующий генерал Брусилов, главнокомандующий армиями Северного фронта Клембовский, Западного — Дени-

кин, начальник штаба верховного главнокомандующего Лукомский, комиссар Юго-Западного фронта Савинков и другие.

Отсутствующий командующий Юго-Западным фронтом Корнилов поддерживает их телеграммами. Суть программы главнокомандующих сводится к восстановлению полноты власти командного состава в армии и к уничтожению комитетов и комиссаров.

Телеграмма Корнилова требует смертной казни на фронте как для военных, так и для гражданских лиц, в тылу для военнослужащих, беспощадной и основательной чистки командного состава от элементов, готовых к соглашению с солдатами, восстановления дисциплинарной власти начальников, запрещения организации на фронте митингов, собраний, ввоза большевистской литературы и въезда каких бы то ни было делегаций, сведения функций войсковых комитетов к вопросам хозяйственного и внутреннего распорядка, она становится платформой, вокруг которой буржуазия в ближайшие месяцы пытается собрать, мобилизовать все свои силы.

Главное в этой программе заключается, конечно, в восстановлении всей полноты власти командного состава и уничтожения комитетов. Если Корнилов в этот момент считает еще необходимым некоторую постепенность в уничтожении комитетов, то командующий Западным фронтом Деникин и старая царская крыса Алексеев выступают враздвиг откровеннее.

Деникин признает, что армия стала разваливаться. Особенно усиленно именно тогда, когда авантюристы 18 июня потребовали от нее наступления. Он считает комиссаров Временного Правительства вреднейшим разлагающим армию элементом и соответственно недопустимым этот институт в армии. Столь же вредны, по его мнению, и комитеты. Отсюда основные черты его программы:

«1. Сознание вины и ошибки Временным Правительством, которое не поняло офицеров, считая их врагами свободы, их, радостно принявших весть о революции.

«2. Петроград, чуждый армии и не понимающий ее жизни, должен прекратить военное законодательство, в отношении которого — полная мощь верховному главнокомандующему.

«3. Из армии необходимо совершенно изъять политику.

«4. Необходимо отменить декларацию.

«5. Упразднить комиссаров и комитеты.

«6. Восстановить власть начальников.

«7. Вести дисциплину.

«8. Производить назначение на должности старых начальников лиц с боевым и служебным опытом.

«9. Иметь отборные части, как опору власти начальников, так и на случай необходимости применения вооруженной силы против неповинующихся.

«10. Ввести смертную казнь не только на театре военных действий, но и в тылу, где расположены пополнения. Революционные суды должны быть учреждены и для запасных полков».